

КРОКОДИЛ

№ 18 МОСКВА ИЮНЬ 1933
Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

2556
12

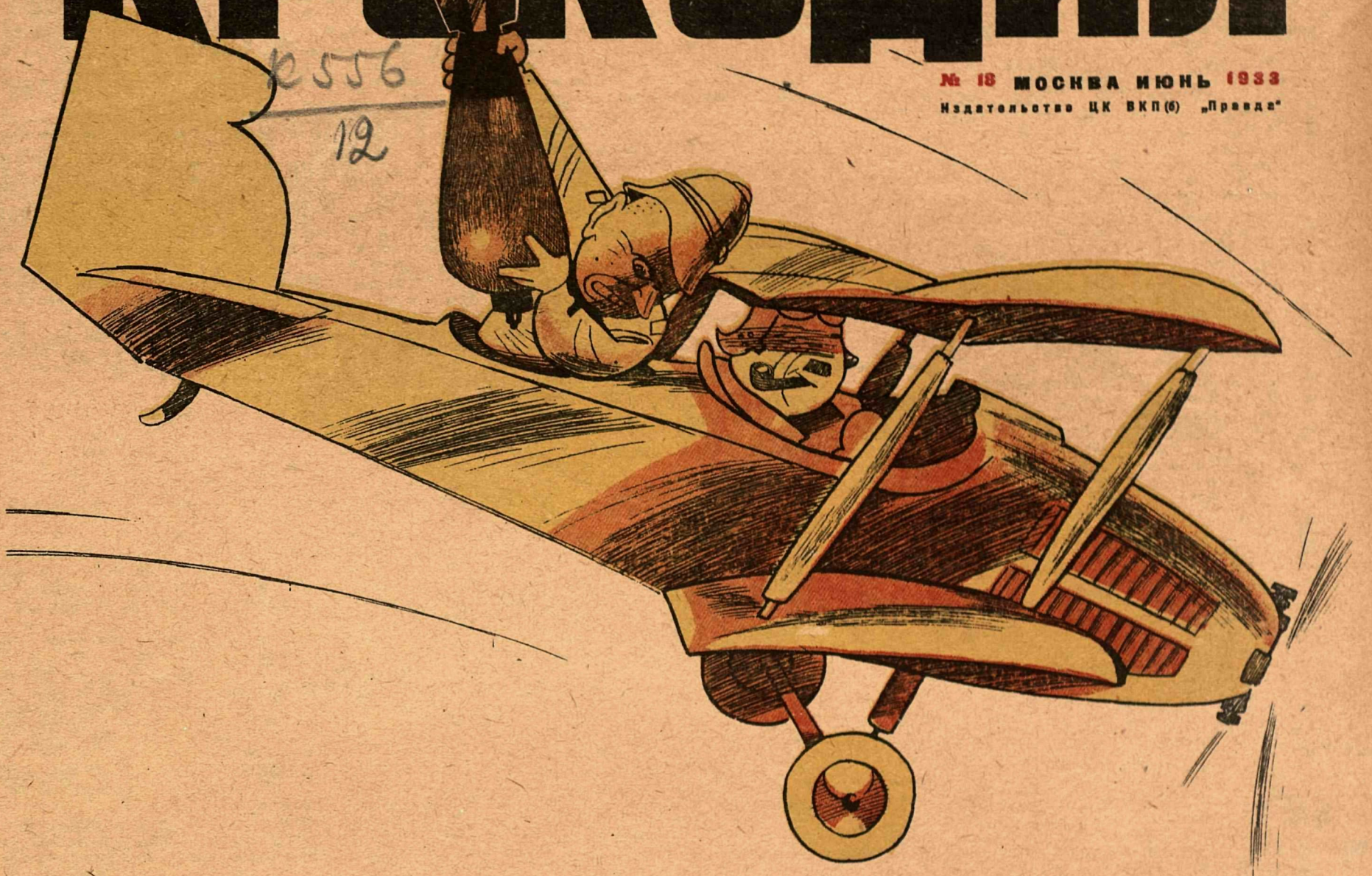

Рисунок и тема Ю. Гаффа

Ю. Гаффа
33

В ОТДАЛЕННОМ РАЙОНЕ
(ОТКЛИКИ ЖЕНЕВЫ)

МИРОЛЮБИВЫЙ АНГЛИЧАНИН: — Ну что ж, если нужно бросить оружие, — мы его бросим.

Меня назначили заведывать отделом небольшого учреждения.

— Приступаете? Вот и хорошо, — сказал мне заведующий учреждением, человек мямливый, но приятный. — Только знаете, что?.. Мы вас пока в качестве зама зачислим. Дело, видите, в том, что у нас есть вид завач... почтенный, стойкий такой товарищ. Ну, и этого... тут, знаете, дипломатические соображения. А вам все равно.

— А мне все равно, — согласился я. — Стойкий товарищ где помещается?

— Парфенов-то? Нет его. Но, возможно, зайдет. Вы пока познакомьтесь с секретарем ячейки, с сотрудниками, просмотрите очередные дела...

Я познакомился с секретарем, с сотрудниками и занялся просмотром очередных дел, которые, повидимому, не подвергались этой операции с начала весенней посевной кампании.

Часа через два ко мне в комнату вошла дылда мужского пола. У дылды были маленькие глаза цвета прокисшей ливерной колбасы и толстые губы. Дылда буркнула:

— Парфенов!

Затем произнесла нето назидательно, нето угрожающе:

— По-большевистскому надо, товарищ! По-боевому.

— Что по-большевистскому? — спросил я.

— Вообще. Переключиться. На все сто.

— А куда переключиться?

— В общем и целом. Ударными темпами. Монолитно. Все, как один, и сплоченными рядами, товарищ!

Я сказал:

— Ведь это, смотря что. Например, если все, как один, и сплоченными рядами начнут подписывать исходящие бумаги, то ничего хорошего не получится.

— Ага-а, — мрачно и зловеще протянула дылда. — Оппортунистическая недооценка? Недоучитывание возможностей? Капитулянтские настроения?

— А еще что? — заинтересовался я.

Дылда натужилась, сморщила лоб и зашлепала губами:

— Ликвидировать с корнем! По-боевому, по-большевистскому! Ударными темпами надо. Мобилизоваться на все сто. Безоговорочно!

— Не понимаю, — сказал я. — Ну, вот ничевощеньки невозможно понять! Вы своими словами поprobуйте, товарищ!

— То-есть... как?.. Про что?.. — озадачилась дылда.

— Ну, как умеете. Вот, про работу, например...

По дылдинному лицу разлилось выражение недоумения, смешанного с испугом. Дылда задумалась. Затем с натугой, с мучительным усилием начала выдавливать из себя отдельные слова:

— Это, стало быть... Работа у нас, как бы сказать? Вообще, то-есть...

Вот, значит... М-да...

— Ну, ну! Продолжайте! — поощрил я мучительный дылдин почин.

Дылда, тяжело вздохнув, вдруг выпалила:

— В другом месте, товарищ, поговорим!

И смылась.

Я зашел к секретарю ячейки, пошел вместе с ним к заведующему и спросил у обоих:

— Скажите по-совести, товарищи... Что за птица этот ваш Парфенов?

Заведующий встал и плотно затворил дверь. Затем сказал:

— Он этого... стойкий такой товарищ. Но тяжелый, между нами говоря. Тяжелый человек, да!

А работает хорошо?

— Никак не работает, — сказал секретарь ячейки. — Не может. Только слова говорит. Ну, а слова... Придраться к ним нельзя: выдержанные, в общем, слова.

Заведующий добавил:

— Побаиваются его. Да и как же?.. Недавно попробовали поставить ему на вид, что он дела запустил, — так что было!.. „Оппортунистическая недооценка товарища! — говорит. — Деляческий подход! Вылазка классовых врагов! Заклеймлю позором!“ Слова-то серьезные...

— ... Да не к месту, — закончил секретарь. — А в конце концов и слов у него нехватало. Произносил, произносил их да вдруг запнулся, да как выкрикнет: „П-пло!“... А что значит „п-плю“? И слова такого нет.

— Это значит — „не потерплю“, — сказал я.

— Возможно. А откуда ты знаешь?

Из Салтыкова-Щедрина. Как вы не догадались, товарищи, что ваш стойкий Парфенов — глуповский „оргачик“? Он, конечно, приспособился, „переключился“, применился к обстоятельствам, но в общем все тот же. Его не трудно узнать.

— Пожалуй, что и так... — задумчиво пробормотал заведующий. — Пожалуй... Вот история!

А секретарь сказал:

— Обязательно нужно перечитать Щедрина. Не забыть бы. Может, и еще кого-нибудь обнаружим.

ГРАМЕН

Б. САМСОНОВ

РАЗВЕ ЭТО МОЛОДЕЖЬ?

Две старушки вечером

Критикуют за чайком:

— Молодежь-то какова?

И поступки и слова!

Лишь руками разведешь, —

Разве это молодежь?!

— Вон племянники мои

Из порядочной семьи,

А душа за них болит, —

Потеряли всякий стыд.

Поглядишь, — бросает в дрожь,

Разве это молодежь?!

У соседей на глазах

Ходят в майках и трусах.

Физкультура, — говорят!

А по-моему — разврат!

Отвернешься и вздохнешь:

Разве это молодежь?!

Со знакомыми — „на ты“,

Крик и смех — до хрипоты.

И родителям ни в чем

Не уступят ничем!

Вечно — споры и галдеж!

Разве это молодежь?!

Рассуждают так и сяк

Про любовь, семью и брак,

И для них в пятнадцать лет

Никаких загадок нет!

Все понятно им. Ну что ж?

Разве это молодежь?!

Мы, бывало, ночью, днем

Полны мыслями „о нем“.

И мечтаешь, и поешь,

И тихонько слезы льешь.

Нынче чувства — ни на грош!

Разве это молодежь?!

Ни поэзии ни слез.

Нинку — тянет паровоз,

Зинка — учит про навоз

И торопится в колхоз.

Лишь руками разведешь, —

Разве это молодежь?!

Нету нежности к родным.

Дядю выслали в Нарым,

А они везде кричат:

— Так и надо! Дядя — гад!

Отвернешься и всплакнешь,

Разве это молодежь?!

Я старалась к ним ходить,

Я пыталась их стыдить.

Мне ответили: — Вы — хлам!

Не ходите больше к нам.

Что ж? И больше не пойдешь!

Разве это молодежь?!

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

В ГОРАХ ЛЕСОЗАВОДА

(ФЕЛЬЕТОН - КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ)

Со скоростью в пятнадцать черепаших сил мотор „Чайка“ промчал нас по Сухоне от Сркола до живописнейших в мире берегов Сорокового лесозавода.

Причалили приблизительно к берегу. Зачерпнули ботинками воду, и вот — мы на суше, на территории лесозавода.

Нет, это не просто завод и не просто территория!

Это — Швейцария, это — альпийский хребет из щёпы, это — Пиренеи, Памир, узел Гармо из неразобранного лесогнилья!

На Сороковом заводе есть две биржи — старая и новая. Так вот, не смейшивайте их, пожалуйста, с „черной биржей“. Но не смешивайте их также и с настоящей биржей, какая должна быть на всяком уважающем себя лесозаводе.

Новая биржа здесь, на Сороковом, отличается от старой биржи тем, что на старой бирже старая заваль леса, а на новой бирже — новая заваль...

С риском остаться без ног, которые отпущены всего по одной паре на человека, мы бродили по так называемым „улицам“ биржи.

Среди штабелей и междуштабельного хлама мы созерцали штабельную машину, которая побил рекорд. Бедный рекорд — его всегда бьют. Эта машина отдыхает на свежем воздухе в порядке простоя пока лишь один год. А там — сколько еще простоят — видно будет. Другая машина, по словам очевидцев, недавно еще работала. Совсем недавно. А сейчас она как раз остановилась. Остановилась и стоит. Стоит и хлеба не просит.

На сколько она остановилась: на сутки, декаду, квартал или год — пока еще прорабу в точности неизвестно.

Прораб новой биржи Пресленев любезно заверил нас, что это его не беспокоит, и поэтому мы тоже можем не беспокоиться.

— Ну, что особенного? Ну, стоит машина. Ну, стоит над штабелем экспортного леса другая машина. Не прыгать же им. Не маленькие. Зато люди движутся.

Мы присмотрелись к тому, как движутся люди на биржах Сорокового лесозавода. Умилительное зрелище. Эти лунатики движутся по разделениям. Поставит одну ногу и подумает. Поднимет другую ногу — тоже подумает. Поднимет руку и...

Трое волокут щупленькую жердочку. Четвертый крикает. Пятый зеваает. Шестой прикинул под штабельком и бормочет со сна: „Э-эй, ухнем“. И над всеми над ними — вылинявший лозунг на сахарной бумаге:

„Долой простон
На все сто“ и т. д.

Несмотря на этот стопроцентный лозунг, одна сторона биржеотреугольника чистосердечно нам призналась, что на биржах производительность труда все же немного менее ста процентов.

— Ну, а сколько все-таки? — допытывались мы.
— Да так, как бы сказать, ну, процентов пятьдесят. Может, поболее немного!

Ни на альпийских склонах одной биржи, ни на уральских отрогах другой мы не нашли ни одного показателя производительности труда.

Опять сторона треугольника нам объясняла:

— А к чему? Если бы хорошие показатели. А ежели они плохие? Ни к чему нам это...

... Как известно, турецкий город Константинополь издали очень красив и живописен, а вблизи...

... Вернемся к Сороковому лесозаводу. Преприятная панорама, ежели разглядывать вплотную. Нет, лучше подальше отсюда! Издали, знаете ли, красота и живопись. И как это еще ОПТЭ этими местами не заинтересовалось? Особенно, говорят, интересно здесь зимой, когда весь хлам покрывается снегом. Ну прямо — снежные вершины.

Казбек! Эльбрус! Кордильеры!!!

**Выездная бригада „Крокодила“
Л. МИТНИЦКИЙ, Р. РОМАН**

Северный край

МОТИВИРОВАННЫЙ ОТКАЗ

— Скажите, товарищ, а кто были ваши родители?

— Отказываюсь отвечать: партия предупредила — „каверзных“ вопросов не задавать...

А. Л.

ПАРТБЮРОКРАТ НА ЧИСТКЕ

Рис. Ю. Гаффа (тема М. Коссовского)

— Вы давно в партии?

— Каждый день, с десяти до четырех.

УЛИЦА РАДОСТИ

(Дружеские гадости)

ТЕАТР МОСПС

„Снега“ и „Штормы“, все стихи —
Концессия моя.

Погоду делают другие,
А НЕПОГОДУ — я!

ТЕАТР ИМ. ВАХТАНГОВА

Акимов говорил, Шекспира хороня:
— Коня! Коня! Всю пьесу — за коня!

КАМЕРНЫЙ ТЕАТР

Проездом в Мексику — не так ли?
Он и в Москве дает спектакли.

МЮЗИК-ХОЛЛ

Что ни мелодия, то — перл-с.
Что ни дивизия, то — герлс!

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

Таланты и Поклонники БРАТИШКА ЗАЛИВАЕТ

— Ночь. Я богу. Волки за мной. Штук тридцать восемь. Глаза горят. Морды в пене. Они за мной. Я от них. Они за мной. Я от них. Вдруг—деревя. Я—на дерево. Сижу на суку. Они внизу. Глаза горят. Пасти дымятся... Вдруг—кряк—сух подломился. И я падаю прямо в гущу волков...

(Тяжелая пауза)
— Ну, и что жет..
— В клочья!!!

(Из рассказов старого трепача)

Обычно бывает так: человек сначала напишет какую-нибудь замечательную вещь, потом она прогремит на всю страну, и затем уже все начинают интересоваться автором: кто он такой, где он родился, сколько ему лет, как и почему ему удалось написать такую замечательную штуку?

Но когда парню уже за тридцать, а о нем обидно мало пишут, — положение становится тревожным.

К вышедшей недавно «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского предисловительным приложением два академических постскриптума того же автора. Первый носит скромное название: «Автор о трагедии», второй же (его смело можно назвать «Трагедия об авторе»): «Как накопился материал для „Оптимистической трагедии“ (Опыт хронологического прослеживания творческого процесса)».

Из этого «опыта» любопытный читатель может узнать, что «первые впечатления от жизни на море, соседства казарм, чтения и слухов о балканских войнах» пришлось в жизни автора на 1905—13 гг., что «уход на войну» произошел в 1914 г. «Первая беседа журналистов со мной о войне» — 1915 г. «Первые литературные записки о войне, с расчетом на опубликование» — 1916 г. (записки не опубликованы) и так далее, вплоть до 1933 г.

«На Западе бой», — рассказывает автор, — я написал, отталкиваясь от давних наблюдений за немцами, — до войны и после...

Все это чудесно и может целиком и полностью удовлетворить лихорадочный интерес читателя (буде он возникнет). Но вот читатель добрался до 104 страницы и узнал из нее, что автору в 1920 году было 19 лет.

— Позвольте! — воскликнет недоверчивый читатель. — Но какие же «наблюдения за немцами до войны» мог производить ребенок 10—9 лет? За какими немцами?

— Ну, а в 1905 году «Впечатления о жизни на море». Ведь ему было четыре года! Подумайте: пешком под столом гуляет и уже собирает материалы... Закладывает первые кирпичи «хронологии творческого процесса».

— Ну, почему же? — мягко возражает добрый читатель, — может быть, он где-нибудь там плавал...

— В четыре года все мы плаваем... — буркнет недоверчивый. — Только никто еще этим не хвастал и не называл это «творческой хронологией». Нечего нам баки заколачивать! А в тринадцать лет уход на войну? А в четырнадцать — ответственная беседа с журналистами? А балканская война? Ведь ему одиннадцать лет стукнуло всего...

Какой предсудительный малютка! С четырех лет стал готовить идеологически выдержанную биографию.

— Ну, тогда, значит, он просто вундеркинд был.

— Что значит — «был»? Он и сейчас — вундеркинд! Вы посмотрите, что он выделывает в тексте трагедии. Вот, например, авторская ремарка: «Дочеловеческие всплески вод, рождающих первую тварь... История, текущая, как Стикс, испарения всех тел; шум человеческих тысячелетий, тоскливый вопль „зачем“... Неистовые искания ответов...» (Нет, каков стиль!). Как все это должен показать режиссер? Как изобразить на сцене «шум человеческих тысячелетий»? Или, например, такая ремарка: «Полк идет по древней дороге греков, римлян, скифов, тавров, готов и генуэзцев...» Или «сверкают золотые имена кораблей и улыбки, победоносно взлетающие над равниной, над Альпами и Пиренеями». (Нет, каков стиль!). Как это показать на сцене? Как показать имена кораблей над Пиренеями? Почему Пиренеями? При чем тут вообще генуэзцы? Или возьмите такое примечание: «Безмолвие и грандиозные вопросы».

— Изворотливый режиссер, — смущенно ответит добрый читатель, — может, и придумает, как это показать. Для «грандиозных вопросов» какие-нибудь световые эффекты, пичикато в оркестре, кино, телевидение, короткие волны по радио, серпантин, танцы до 4 часов утра, мало ли что... На худой конец выйдет какой-нибудь «Некто в сером» и разведет руками в безмолвии. Помните, у Леонида Андреева?..

— Допустим. Ну, а вот на 78-й странице действующее лицо — священнослужитель — должен сделать «несколько жестов, составляющих каждого чувствовать собственное тело, его теплоту, силу». (Нет, каков стиль!). Можете вы мне объяснить, что это за жесты? Как их надо делать? Зачем их надо делать? Кто их, наконец, умеет делать?

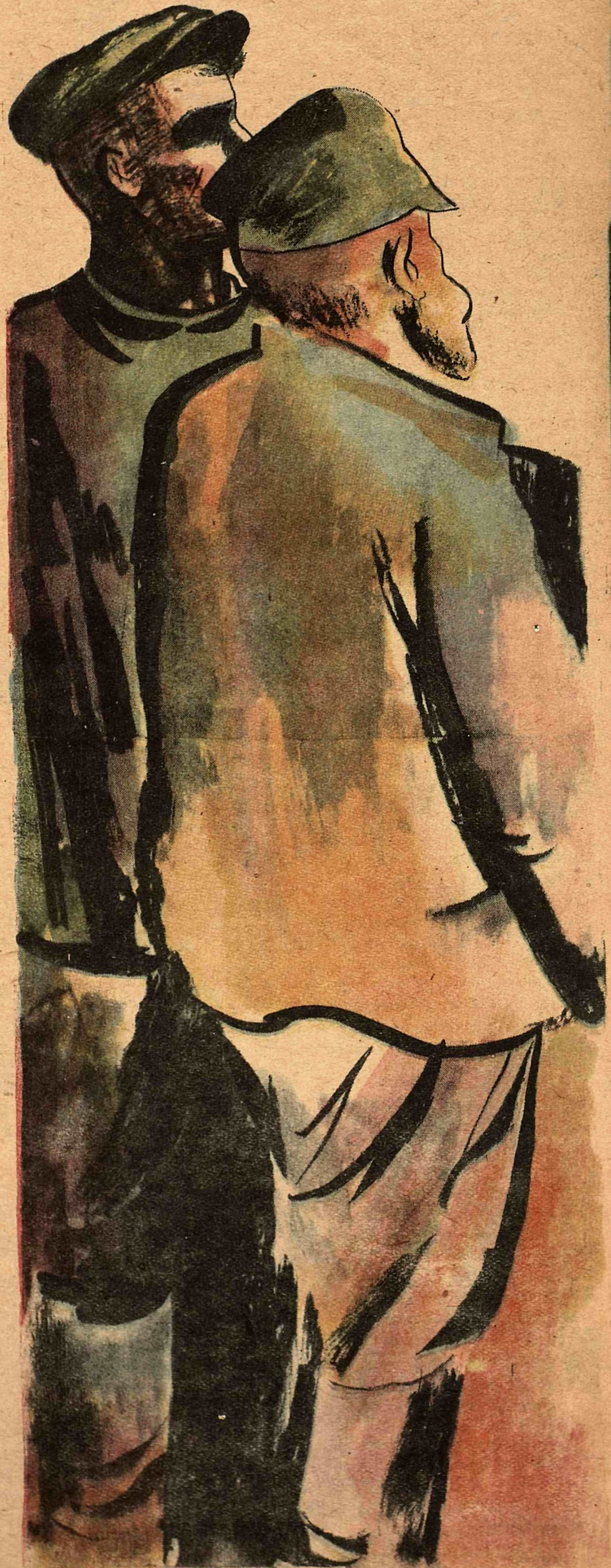
— Я не умею. Я не все могу объяснить, — смущенно признается добрый читатель. — Я такой же сухопутный штатский, как и вы, а автор с четырех лет в плавании, автор рос в пороховом дыму балканских войн, окруженный немцами и журналистами, и мы просто не понимаем его психологии. Это бывает. Различные у нас «всплески».

P. S.

Мы сожалеем, что способный малютка не опубликовал своих впечатлений об англо-бурской войне. Она происходила как раз за год до рождения знаменитого драматурга, и его наблюдения были бы особенно свежими и непосредственными.

ЧЕЛКБИНСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ ВСТУПИЛ В СТРОЙ

Рис. Л. Бродаты (тема Я. Бельского)

НОВОСТИ ФАШИСТСКОЙ НАУКИ

Такие мировые ученые, как профессор Эйнштейн и другие, сочли необходимым бежать из фашизированного отечества. Но справедливость требует заметить, что на смену им фашистское возрождение выдвигает другие крупные умы.

Профессор Вексфильд в сотрудничестве с доктором Саррисом выпустил совсем недавно в Германии книгу, посвященную злободневным вопросам собачьей психологии, под названием

„Das Duffeld des Hundes“

В этом могучем труде профессор приходит к сенсационному выводу:

«Собакам свойственно чувство собственности и уважение к ней. Сигнализ, у задней ногой около каждой тумбы, они отмечают этими пахучими знаками уважение к часовой собственности».

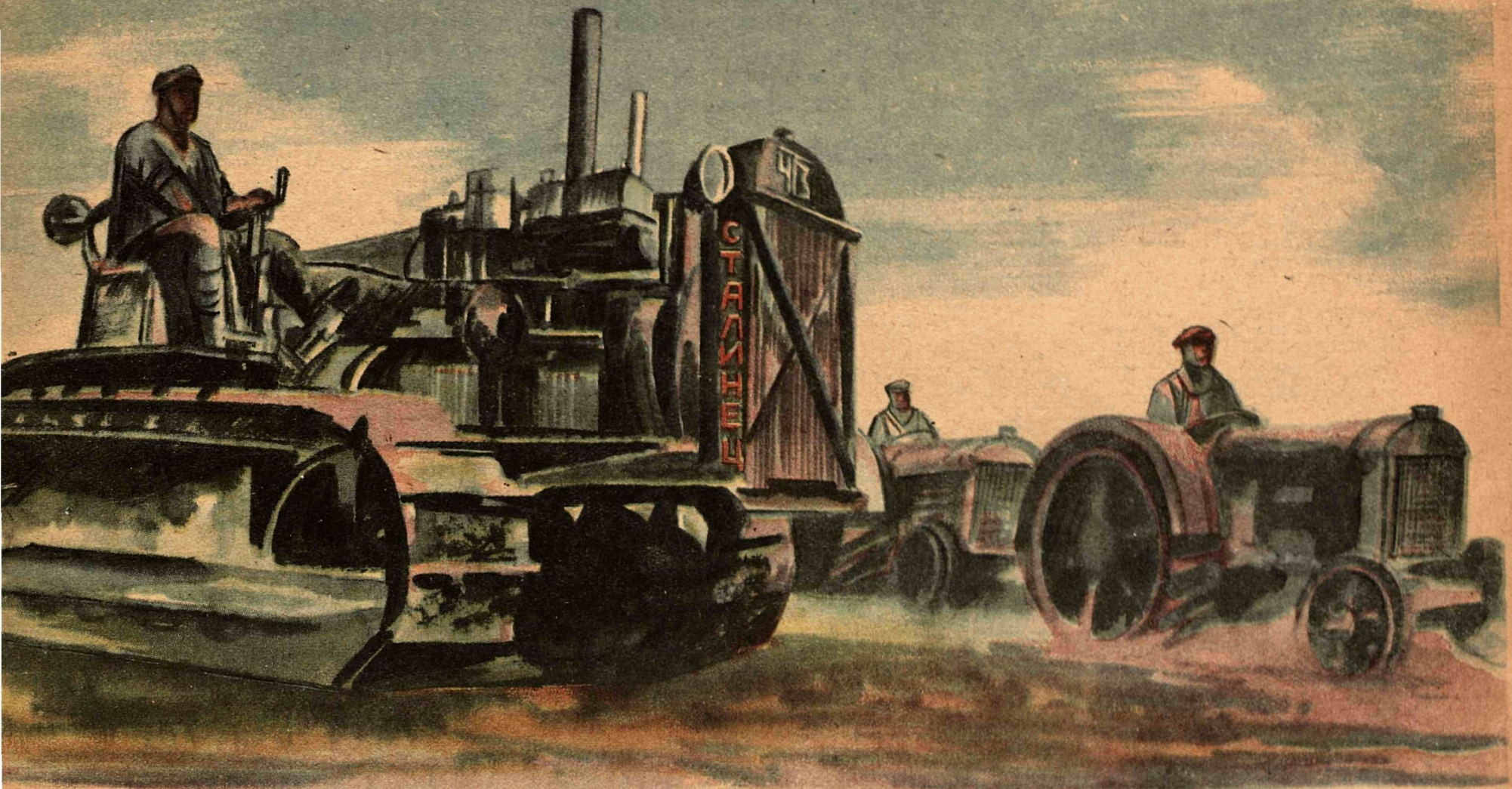
Нам кажутся выводы профессора недоработанными. Может быть, собаки отмечают уважение к собственности, а может, и к фашистской идеологии. Кто знает глубины собачьей психологии?

Другой ученый, профессор акушерско-гинекологической клиники в Вюрцбурге, доктор Гаус доказывает в своей статье, что «хорошим гинекологом может быть только тот врач, который имеет прочную религиозную и националистическую установку».

Генрих Гейне, сочинения которого теперь предсудительно жгут в Германии, обронил как-то по аналогичному поводу:

«В деревне был бык, доживший до такой старости, что впал в детство. Когда его убили, его мясо имело вкус старой телятины».

Сильно опасаемся, что фашистской науке и ее представителям угрожает такая же участь.

КОЛХОЗНИК: — А правофланговый-то у нас не плох!

ВОРЧУН НА ПЛЯЖЕ

Поехать в Алушту — не глупая блажь:
Хорошее место Алушта,
Потому что в Алуште и море, и пляж,
И фрукты растут потому что.
Сергей Николаич привез из Москвы
Корзины, баулы и мысли,
Но в лысой посуде его головы
Давно уже мысли прокисли.
Жара. Полуостров пыхтел и потел.
Среди загорелых коричневых тел
На пляже бесстыдно белело
Сергей Николаича тело.
Сергей Николаевич вниз животом
Лежал неподвижный и сумный,
Сергей Николаевич думал о том,
Какой он хороший и умный.
О том, что нигде справедливости нет,
Что ценят не ум, а нахальство.
О том, что он мог бы отрезать в ответ
На злые придирки начальства.
А солнцу обидно: „Ну, что за буза!
Ну, прямо не люди, а камни. —
Не только не щурит блаженно глаза,
А хмурится прямо в глаза мне“.
И морю обидно: „Ну, что за фасон!
Ну, что за нахальная мода!
Уж если на пляже лежишь без кальсон,
Изволь любоваться природой“.
Сергей Николаич колени поджал,
Прикрылся фуражкой от солнца
И кислые мысли свои продолжал:
„Ну, разве не дрянь Толоконцев?
Помбухом теперь, а давно ли, давно ль
Помбух Толоконцев был форменный ноль?“
А море и солнце досада берет.
И действовать вместе условясь,

Ворчат: „Ну, каких ему надо природ?
Ей богу, природа на совесть.
Скандал, катастрофа. Нельзя же —
Служебные мысли на пляже“.
И вот, как девица, которой в ответ
На тщетно стрелявшие глазки
Ни проблеска пылкой взаимности нет,
Решается море на ласки.
И самой соленой зеленой волной
Сергей Николаич укрыт с головой.
Не бьет и светило баклуши:
И греет, и нежит, и сушит.
И снова сухие и он и песок,
И волосы снова, как пакля,
И лишь в углублении, там, где пупок,
Осталась соленая капля.
А солнце сияет лучами в живот.
А солнце на каплю — лучами. И вот...

И вот
Совершается чудо:
Живот.
И сияет оттуда.

И кажется солнцем живот начинен.
И пуп — золотое оконце.
А что же Сергей Николаевич? Он
Не смотрит, мерзавец, на солнце.
И прежние мысли в его голове
Попрежнему кисло нудят о Москве.
Тут море взъярилось. А солнце ярей
Егозит лучами по коже.
И вечером весь в коже волдырей
Несчастный глядел на прохожих.
„Ведь вот же, ей богу, народу везет!
И море не тронет, и солнце не жжет,
А мне — и страданья и муки!..
Проныры, подлизы, гадюки!“

МИХ. ВОЛЬПИН.

НАШИ КЛИЕНТЫ (По следам вил)

ГИБЕЛЬ КАРЬЕРЫ

Жеглов крепко и уверенно
шел по восходящей линии успе-
ха. В магазине Ярославско-
го автозавода Жеглов прикар-
манил 200 рублей, в мага-
зине Яроволгостроя — 660, пе-
рекочевал к Горту, повы-
сил контрибуцию до 1.000
рублей, а в магазине 67 бла-
гополучно украл уж 3.000. Кто
знает, до каких планетарных
сумм добрался бы Жеглов под
покровительством хлопающих
ушами ярославских „шляп“,
если бы не „Крокодил“, за-
просивший ярославского про-
курора, какой лимит кражи
разрешен в Ярославле Жег-
лову.

В виду истощения „лимита“,
блестящая карьера спеша по
воровству прервана, и сам он
ввергнут в соответствующее
место.

КАМЕНЬ В БОЛОТО

В бородулинском колхозе
„Ленинский завет“ было тепло
и уютно. 7 лет скачи, до Бо-
родулина не доскачишь, тем
более, что свердловские зе-
мельные организации туда
скачать и не думали.

Тихо и мирно работали в
колхозе завхоз Партин, поле-

вод Партин, бригадир-конюх
Партин, бригадир-полевод
Партин — все родственнички,
свои люди, счетовод Ку-
рицын — дьячок, ветеринар Си-
тников — кулак, животновод
Воронков — кулак и громад-
ная развесистая шляпа —
пред. Чирков.

В результате „работы“ этой
симпатичной компании в кол-
хозе разворовано 37 тонн по-
севных материалов, уничто-
жено 265 лошадей и рогатого
скота, приведены в негод-
ность все плуги, косилки и
молотилки, расквандено 72
тонны молока.

Камень „Крокодила“, по-
павший в это вредительское
болото, разогнал и потянул
под суд всю эту теплую ком-
панию.

ЗА ЗДРАВЬЕ И УПОКОЙ

Чеховского дьячка Отлука-
вина пригласили на службу
в торфком Марково-Сборного
(Ивановской области). Дьячок
по привычке развел такую
канитель, что теперь никак
нельзя разобраться, с кого
взысканы членские сборы и с
кого нет? Кто записан за здра-
вие и кто за упокой.

Впрочем, собранные деньги
записаны определенно „за
упокой“. По запросу „Кро-
кодила“ Отлукавина извергли,
а заодно с ним и распял из
руководства торфкомом.

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

О революции Пахом
Писал... безрифменным стихом,
И что же? Пищу дал злословью.

Пахом, не слушай челухи!
Такие белые стихи
Печатаются „Красной новью“!

Э. И.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

ВСЕМА ВОЗМОЖНО

Веселые справки выдает председатель Веселовского сельсовета, Мечетинского района (Сев. Кавказ).

ЗАВ. КОННЫМ ДВОРОМ МАНЧЕСТРА

Сельсовет сообщает, что г.р. Матвеевко А. П. по социально-имущественному положению является кулак, избирательных прав не лишен.

Председатель сельсовета ГАШУЙЛОВ

Товарищ Б. В., приславший этот документ, удивляется, почему же кулак не лишен голоса.

Ничего удивительного! А может, этот голос понадобился самому председателю на переборах!

И С ПЛЕЧ ДОЛОЙ

До чего иногда мудрые люди встречаются на периферии! Вот, например, в рабочем при Тандинском леспрохозе (Урал) в два счета разрешают все вопросы:

„ОБКОМУ СОЮЗА ЛЕСА И СПЛАВА“

На ваше отношение по вопросу отчетно-перевыборной кампании правлений клубов, у нас таковых не имеется. Если есть на участках клубы, то правлений нет, а поэтому развешивать эту работу не требуется.

На нет, как известно, и суда нет. А жалуй!

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

Правление артели „Рекорд“ в гор. Орджоникидзе поистине побил рекорд комчанства, своеобразно истолковав указания январского пленума ЦК об использовании в работе беспартийного актива.

Вот справка:
„Настоящая выдана т. Тарасенко в том, что он действительно работал в артели „Рекорд“ в должности культурника с 1 августа 1932 г. по 10/II 1933 г. и уволен как беспартийный.“

ПРАВЛЕНИЕ

Подписи, печать, исходящий номер. Все на месте. Все, кроме людей, подписавших этот документ.

„ДРУГ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА“

Пока есть на свете Зоя Анникович, мировой пролетариат не одинок. Это совершенно явственно видно из отрыва о ее работе.

Тов. Анникович, работая в Западно-Казакстанском обкоме МОПР агитатором-пропагандистом, является для нас лучшим товарищем и полезной общественницей. Благодаря ее политически выдержанным докладам

ЛЮБИТЕЛЬ ЗЕЛЕНИ

К. Елисеев (тома М. Глушкова)

— Ну, теперь деревцо спасено...

среди рабочих и работниц, где пользовалась и пользуется уважением и авторитетом. Благодаря способностям и трудолюбию она является действительным другом мирового пролетариата“.

К этому талантливому произведению остается только добавить, что оно принадлежит перу самой же Зои Анникович. Видимо, она не очень плохого мнения о себе!

Как говорится: „Не имей сто рублей, а имей сто друзей“ Ну, а такого друга и одного за глаза довольно!..

СПЕЦИАЛИСТ СВОЕГО ДЕЛА

Старая пословица гласит: „В огороде — бузина, а в Киеве — дядька“.

Сообщаем, что теперь дядька перебрался из Киева в Кинешму и работает агрономом на пригородном хозяйстве ЗРК завода „Заветы Ильича“ под фамилией Ельцова. Вместо бузины он решил, было, разводить капусту, но и тут его постигла явная неудача. То, что он считал капустой, в процессе роста проявило себя кормовым турнепсом. Засеяно 334 рамы турнепса.

Видимо, этот агроном может отличить капусту от турнепса только за обедом, да и то с соответствующей приправой!

ВЕРХ ЧЕСТНОСТИ

Редкий экземпляр кулака обнаружен в Тютеевском сельсовете, Зуриного ереса, Удмуртской автономной области. Никакой маскировки, полное саморазоблачение!

„Справка“

Дана настоящая Тютеевскому председателю сельсовета Никитину А. в том, что он действительно лишен голоса и права, а так же из колхоза вычищен.

Тютеевский председатель сельсовета А. НИКИТИН

Надо полагать, что эта справка написана им для себя, для самоуслаждения. А пролезать куда-нибудь в колхоз он будет по другой. Учтите это!

НОВЫЙ „МЕТОД“

Подумать только, что на Первом госчасовом заводе (Москва) успех распространения лотереи Осоавиахим целиком зависит... от прогульщиков! Объявление находим в протоколе № 5 заседания президиума заводу.

„СЛУШАЛИ: информацию тов. Пивоварова о прогульщиках. Прения: тов. Корнев говорит, что в ремонтном цехе за опоздание рабочему цехком дает награду — распространить 25 штук билетов ОСО“.

Лотерея, конечно, дело хорошее и, выигрышное. Единственно кто на ней проиграет — это председатель цехкома. А если и заработает, то только выговор!

РЕЙД „КРОКОДИЛА“

СПУТНИК КИНОРАБОТНИКА

Учитывая, что в кинопроизводстве еще нет достаточного руководства, мы решили помочь начинающим своими руководящими советами и наставлениями. Кинообласть еще мало изучена и далеко не обследована. Всякому свежечеловеку здесь не трудно впасть в ряд непоправимых ошибок, и тогда — пропала карьера! Этого, однако, никогда не случится, если строго и неукомительно пользоваться нашими советами.

Итак,

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ: Как делать сценарий

Работа над сценарием начинается с момента подписания договора. Серьезнейший, решающий момент — получение аванса. После этого сценария можно уже и не писать, дирекция фабрики в особой претензии не будет. Если же вы, однако, человек несправливой честности, так и быть, — валяйте, пишите! Самое главное в сценарии — это заголовок. Как только вы написали заголовок (условно, например, „Старая песня“), вокруг вас уже появляется стая режиссеров, их помощников, ассистентов, айтеров и актрис.

Первые кадры должны быть обязательно натурными — в горах Швейцарии, на вершине Везувия, на пляжах Сочи и т. д. Для этого придется совершить несколько увеселительных поездок, именуемых на киноязыке „эспедициями“. После того как материал будет снят и пленка истрачена, сценарий может оказаться забракованным. Но не унывайте! Беритесь за переделку. Зачеркните „Старую песню“ и напишите: „Любовь и ненависть“. Вторично получайте деньги (очень важно!) Ложное угрызение совести заставит умолчать: не вы первый, не вы последний. Межрбпмфильм за прошлый год выбросил 278 тысяч рублей на оплату явно негодных или совсем ненаписанных сценариев.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ: Как ставить картину

Если вас назначили режиссером еще не написанного сценария, — прежде всего запаситесь актерами. Имейте в виду, что такой ехидный конкурент, как Союзкино, может перехватить у вас людей, и вы останетесь на бобах. Вы скажете, что актерам нечего делать, пока нет вещи? Ах, не будьте наивны! Ведь получает же актер Дикий 2 500 рублей в месяц. А сколько раз он снимался? В январе ни разу, в марте тоже, в апреле два раза и в мае один. Каждая сьемка оценивается в 5 тысяч рублей. Вот это размах! Вот это широта натуры! Главное, не будьте мелочны. Ведь платит же Межрбпмфильм артисту Чистякову с февраля по 800 рублей в месяц, хотя снимался он только дважды. Артист Ренин за картину „Рур“ получил три тысячи рублей, хотя с октября прошлого года и до сих пор не был занят ни в одной сьемке. Артисту Вячеславу уплатили восемь тысяч рублей аккордно, но с 15 ноября прошлого года он снимался всего два раза.

Все это вам нужно знать, чтобы в случае нужды козырять живыми фактами из истории.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ: Как расходовать смету

Лучше всего начинать производство картины вообще без всякой сметы и плана. Тут большой простор для широкого вдохновения, для импровизации. Но если уж смета есть, — постарайтесь ее перекрыть. Помните, не по мастерству дирекция ценит режиссера, а по перерасходу.

Способы весьма разнообразны и остроумны. Прежде всего — амортизация. Вы должны пригласить артиста Ливанова на аккордную цифру в девять тысяч рублей, кроме того, уплатить ему три тысячи рублей за амортизацию костюма. Артисту Штрауху за сьемки уплатите четыре тысячи рублей, а за амортизацию тысячу рублей. Артисту

Светлову уплатите за работу тысячу пятьсот рублей, а за амортизацию костюма тысячу двести рублей. Вы спросите: „Ради чего приглашать актера: ради костюма или работы?“ Знайте, что актер, которому вы платите за амортизацию костюма, может даже и не сниматься или сниматься в фабричных костюмах: амортизация — это скрытый вид зарплаты, который, впрочем, никто и не скрывает.

Если, однако, при всех стараниях ваша смета не разрослась до гигантских размеров, — не унывайте. Вам поможет заместитель директора Лившиц. Он пригласит свою знакомую артистку Королеву (по совету неизвестного режиссера, неизвестно для какой картины, неведомо на какую роль), и означенная артистка, ничего не делая, в течение девяти месяцев будет любезно распикироваться в получении 360 рублей ежемесячно. Это ее рента, ее налог на кинопромышленность. Мало того, артистка Королева может устать после такой ударной работы и потребовать отпуска.

Но вот с'емки благополучно подходят к концу. Внимание!

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ: Как выпускать картину

Больше всего опасайтесь, как бы она действительно не пошла в прокат. Тут уж хлопот не оберешься! Начнут ее ругать пыльные рецензенты и судить строгие критики, будут негодовать знакомые, не попавшие на просмотр, и зрители, попавшие на него. Доберутся, чего доброго, до идеологии...

Нет, куда спокойнее, если картина тихо и скромно уляжется на полке! Вот, например, на „Старую песню“ ухлопано 293 тыс. рублей — и никакого скандала. Эта „Песня“ настолько стара, что о ней уже и говорить не хотят.

— А, это та, которая три года снималась? Так ее же сняли в конце концов.

Ну да, сняли с производства и теперь переделывают на „Любовь и ненависть“.

Такая же участь постигла картину „Металл“, которая снималась вообще без сценария. И только после трехмесячных с'емок в экспедиции обнаружилось, что материал никуда не годен. А всего Межрбпмфильм накрутил брака на 785 тысяч рублей.

„Восстание рыбаков“ все еще не закончено, хотя израсходовано уже больше миллиона, а смета была рассчитана на 706 тысяч рублей. „Тисса горит“... от нетерпения увидеть экран. А в это время актеру Азарину платят пять тысяч рублей за три с'емки в этой картине. Перерасход по фильмам, находящимся в работе, уже составил 930 тысяч рублей.

Но бываю и такие редкие случаи, когда после всех мытарств и испытаний картину все-таки приходится выпускать на экран. Тут уж нужно уметь подать ее.

Розами устилается путь режиссера. Начинается эпопея банкетов и празднеств. Банкеты бывают закрытые, полузакрытые и совсем неприкрытые. Так, например, на устройство банкетов (именуемых здесь „чашкой чая“) по картине „Дезертир“ по плану ассигновано 15 тысяч рублей. Нет никаких сомнений, что этот план будет перевыполнен.

Вот, собственно, и все, что важно знать всякому входящему в чудесный мир ателье „звезд“ и „юпитеров“.

Остается только добавить, что практический курс по этому спутнику желающих могут прийти на кинофабрику Межрбпм (Москва, Лихов переулок, 6). Выражаем признательность директору фабрики тов. Сливкину и секретарю партийного коллектива тов. Брянецеву за то, что они обогатили наш спутник такими блестящими примерами и фактами.

Благодарственные отзывы можно направлять в „Крокодил“ и сектор культуры НК РКК СССР (комната 211).

Составители: Е. ВЕСЕНИН
П. МАЙСКИЙ

ЦИРКУЛЯРНЫЕ СОРНЯКИ

— Чорт его знает, что такое! Уже с тысячу этих растений выдрал, а еще ни одного, указанного в моем циркуляре сорняка не нашел!

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Хорошо быть членом колхоза „Перемога“.

У Матвея Николайченко на обед — борщ из курицы, сало, белый хлеб, чай и сахар. То же у брата его Алексея. То же у Марка Оболенцова, у Никиты Бутенко, у Елизаветы Тихоненко...

Вдова Елизавета Тихоненко получила в прошлом году по трудодням 2.600 рублей наличными, Бутенко — 2 600 руб., Оболенцов — 3.000... Все купили по корове, у всех вдоволь пшеничного хлеба, сала, молока, мяса, огородины.

А давно ли и Матвей, и Алексей, и Марк, и Никита — почти все 120 колхозных хозяйств „Перемоги“ — были „батькобросами“, нищими, отщепенцами! Сколько лет прошло с тех пор, как они оставили Пешанку, „батьків“, кривые хаты без печей и пешком перебрались со всем нищим скарбом на землю Данилово-ивановского сельсовета? Лет девять. Нынче все сыты, одеты, а колхоз „Перемога“ считается лучшим в Мелитопольском районе... Сто восемь процентов выполнения плана хлебозаготовок, свои семена, прекрасный рабочий скот, колхоз первый на Украине окончил весенний сев!

Хорошо быть членом колхоза „Перемога“, хорошо быть членом колхоза, так обеспечивающего колхозников, как „Перемога“, но еще лучше, еще приятнее быть бригадиром бригады, состоящей из Тихоненкова, Оболенцова, Бутенкова. Прославиться можно на всю округу, на весь Советский союз!

Ни единого прогула за год у членов бригады, высшая урожайность полей, лучшие кони, лучший инвентарь!

— А колокольчики?

Дойдем и до колокольчиков.

Примерная работа и исключительная преданность делу бригадира Николайченко не остались в тени. Его заметили и отметили.

Если бы настоящие трудовые книжки были бы заведены в Днепропетровской области не в этом году впервые, а хотя бы в 1930 г., в книжке Матвея Николайченко значилось бы следующее.

За весенний сев 1930 года — костюм. Премировал колхоз.

За хлебозаготовки 1930 года — сто рублей. Премировал колхоз.

За весенний сев 1931 года — грамота и пятьдесят рублей. Премировал опять все тот же колхоз.

За выполнение бригадой плана хлебозаготовок в том же 1931 году — опять костюм. От колхоза же.

За весну 1932 года за досрочное окончание сева, за оказанную одновременно помощь огородной бригаде „Перемоги“ и соседнему колхозу Мариенфельд, также окончивших сев досрочно, — ударная книжка и костюм.

Тогда же впервые приехали уполномоченные из Харькова и Москвы, остались очень довольны бригадой Матвея Николайченко, наговорили кучу комплиментов и уехали, сказав на прощание, что они представители Укрколхозсоюза и Колхозцентра. Тогда же появились впервые в печати — местной, центральной украинской и московской — портреты товарища Николайченко. Тогда же было напечатано в газетах, что Николайченко премируется сразу двумя велосипедами — харьковским и московским.

— А колокольчики? — не терпит читателю. — Когда же, наконец, о колокольчиках?

Мы к ним как раз подошли. Слушайте.

Представители уехали, газеты пошумели, и точно и аккуратно ровно через три месяца в колхозе была получена телеграмма:

„Велосипед Колхозцентром послан тчк Озаботьтесь своевременном получении тчк Колхозцентр Коровников“.

Из Москвы! Велосипед!

В октябре Николайченко выехал на станцию за велосипедом. В полученном извещении говорилось, что в случае неявки посылка будет продана товарной станцией с торгов.

Видал т. Николайченко на веку своем велосипеды, но такого не видал: ящичек совсем махонький, больше одного колеса, пожалуй, не влезет. Постоял, подумал, однако, взял: кто ее знает нынешнюю технику?

Расписался, нагрузил премию на подводу и поехал.

Приехал, обступили, из рук рвут... Вскрыли, смотрят:

Колокольчики.

Педали.

Руль.

Вот и весь велосипед.

Было это в прошлом году осенью, в октябре, а нынче — май, весна. К рулю, к педалям и колокольчикам, несмотря на десяток писем в Москву не прибавилось ровным счетом ничего. Прибавилась лишь еще одна неприятность: Харьков ведь тоже премировал велосипедом. И вот нет того месяца, чтобы и оттуда не извещали, что выслан велосипед. Ну-с, а раз высылают, не лежать же ему на товарной станции, пока не продадут с торгов.

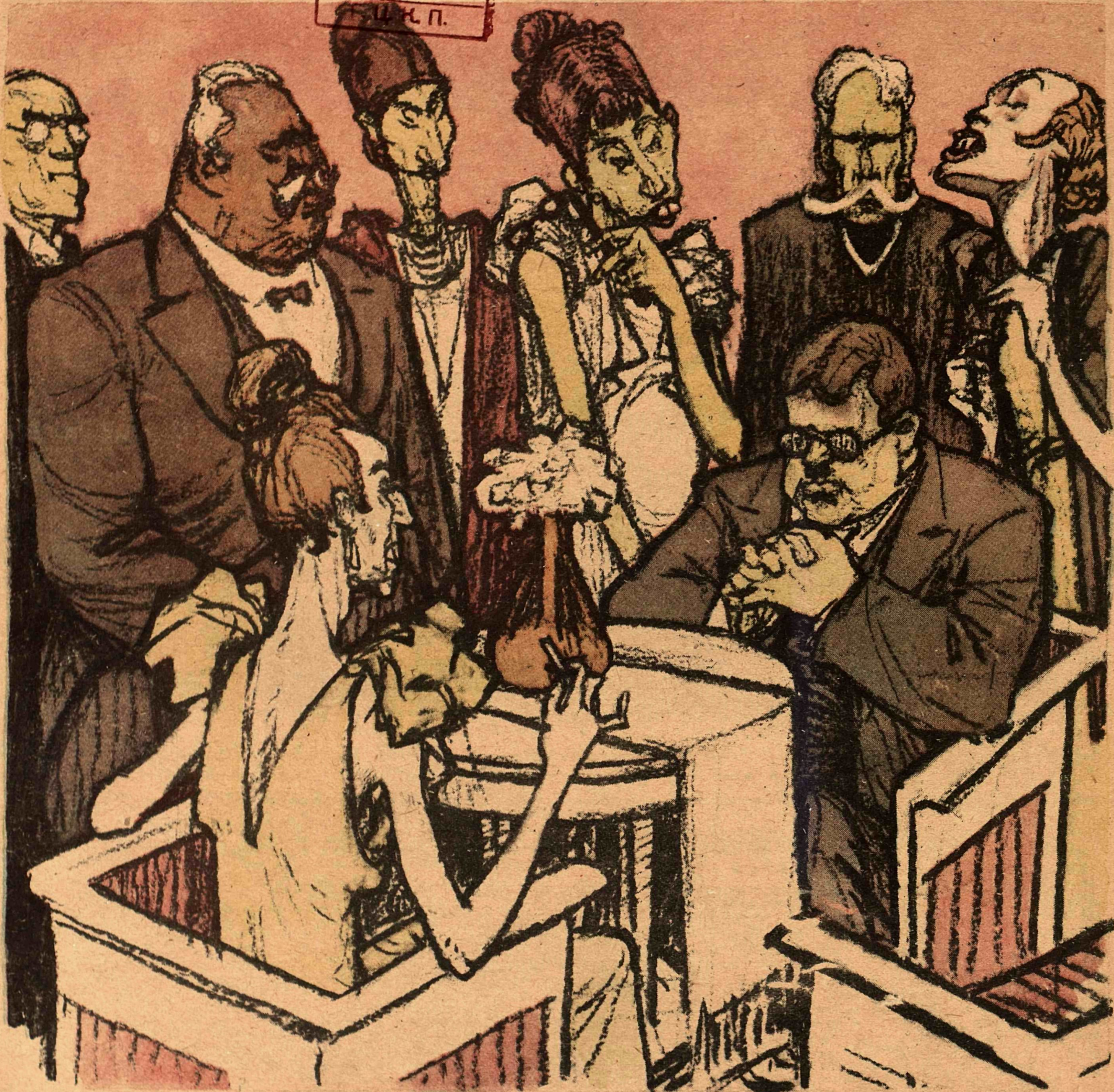
И ездит Матвей Николайченко каждую декаду в город на станцию справляться.

А, АГРАНОВСКИЙ

АРХИВ
27 ИЮН 1933
Ц.К.П.

22589

Обвиняемый по делу вредительства на электростанциях Монкгауз по возвращении в Англию возродил вновь опровергнутую на процессе легенду о "16-часовом допросе".

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МОНКГАУЗЕНА

— Скажите, а к стенке вас ставили?
— Ставить не ставили, а здорово приперли!

ГОТОВЬТЕ КАБИНЕТ!..

(Письмо литератора Мальбрука, собравшегося в культпоход)

Меня мобилизнуть хотите вы? Чудесно!
Ну, что же, я готов вполне.
Мне закаляться интересно
На производственном огне!
Заводы, фабрики, цеха и мастерские
Меня, конечно, вдохновят...
Но... виноват!
Условия нужны мне, знаете, какие?
Работать КОЕ-КАК я не согласен! Нет!
Вы дайте мне уютный кабинет.
Чтоб лился в окна свет не ослишном резкий,

Мне тюлевые дайте занавески.
Моя организация тонка!
Я не могу писать на уголке стола!
Чтоб написать две-три частушки,
Потребны мне диванные подушки.
Чтоб я работать мог, тая в душе покой, —
Мне нужен кабинет, — хотя бы вот такой:
Чтоб я спокойно мог писать свои стихи там, —
Отделайте камин и стены малахитом!
Тогда я напишу вам два или три района.
Готовьте кабинет! Я буду ждать! Пока!!!

МИХАИЛ ПУСТЫНИН